Т.С.Гузенкова, А.Д.Коростелев

Этнокультурные ценности и ориентации в республиках Российской Федерации: сходство и различия

Наряду с экономикой, политикой, социальной, правовой и другими сферами важно обратить внимание на культуру. С одной стороны, напряжения и противоречия в культуре могут сами по себе явиться фактором обострения межнациональных отношений. С другой стороны, независимо от того, в какой сфере общественной жизни возникают трения, они часто могут быть опосредованы через идеологию и проникать в сознание масс как представления о противостоянии культурных ценностей и символов.

Понятно, что разграничение культурных и квазикультурных противоречий часто носит весьма условный характер. Однако и в том, и в другом случае сфера культуры может трансформировать и аккумулировать различные виды противоречий и оказаться самостоятельным полем межэтнического противостояния.

В предлагаемой работе предпринимается попытка частично ответить на вопрос о том, в какой мере поведение, оценки, отношения и взаимодействия этнокультурного характера не-

сут в себе начало согласия или, наоборот, конфликта в нынешних условиях развития российского общества.

В центре внимания находятся некоторые аспекты этноязыковой и этноконфессиональной ситуации в республиках (в Татарстане, Северной Осетии, Туве и Саха (Якутии)), а также те элементы этнической культуры, которые воспринимаются ее носителями как жизненные ценности или как элементы этнического самосознания.

Выбор этих показателей вызван несколькими обстоятельствами. Известно, что некоторые авторы, например, Д.Хоровитц [1], отмечают , что в условиях динамичных социальных изменений язык и религия часто играют особую роль среди политических символов. Дискутируются вопросы как о роли религии в этнической мобилизации [2], так и о мере объективности и неизбежности процессов, подобных языковой русификации среди нерусских народов бывшего Советского Союза [3].

Факт сужения сферы действия языка и отчасти религии выступает в качестве одного из основных поводов для современной критики прежней национальной политики. В среде титульных этносов дебатируются проблемы культурной нереализованности, нередко перерастающей в чувство ущербности.

Наше исследование показало, что национальный язык, культура собственного народа и его религия занимают важнейшие позиции в структуре этнического самосознания. Причем если первые два показателя и раньше относились к числу наиболее значимых признаков этнической идентификации, то возрастание "веса" этноконфессиональной принадлежности - новая, нуждающаяся в анализе тенденция.

На фоне происходящих в России изменений заметно оживилось обсуждение проблемы места России в мировой цивилизации, соотношения культур населяющих ее народов с культурами Запада и Востока. В проведенном исследовании предпринималась попытка приблизиться к пониманию некоторых сторон данного вопроса эмпирическим путем.

Следует заранее предостеречь от слишком широких обобщений на основании полученных результатов. В рамках

проекта не ставилась задача изучения системы ценностей и реального поведения людей с точки зрения соответствия его стандартам "европейской" или "восточной" культуры. Тем более, что сами эти понятия по большей части весьма условны. В данном случае исследуемый аспект относится скорее к самосознанию, к культурной идентификации более широкого плана, чем этническая. Здесь уместно вспомнить понятие "метаэтнической общности". Кроме того, особенности, которые присущи русским, живущим в республиках России, не следует распространять на весь русский этнос.

Можно ожидать, что ориентации на европейский и восточный типы культуры способны сыграть определенную роль в формировании установок в различных сферах жизни.

В целом, рассматривая этнокультурную сферу как одно из полей развертывания межэтнических отношений, допустимо выделить следующие проблемы.

- Место различных этнокультурных ценностей в сознании этносов. Это позволит отчасти судить о тенденциях возможного межэтнического сближения или отчуждения на основе ценностных ориентаций.

- Влияние факторов региональной и этнической принадлежности на характеристики культурной сферы. Эта задача представляется важной, так как можно ожидать, что заметное влияние этнического фактора (этническая детерминация) в той или иной сфере усиливает опасность межэтнических противоречий внутри нее.

- Динамика инерционности и изменчивости различных элементов этнокультурных сфер в нынешних обстоятельствах. В данном случае авторы исходили из допущения, что именно те элементы, которые наиболее чутко и быстро реагируют на внешние импульсы, способны оказаться источником и зоной нарастания противоречий.

- Соотношение между ориентациями на европейский и восточный типы культуры в различных группах населения и сферы общественной жизни, в которых эти ориентации оказываются значимыми.

Для анализа перечисленных проблем выбраны показатели, характеризующие языковую компетентность, реальное

языковое поведение и ориентации в сфере языка; признаки, фиксирующие этноконфессиональную принадлежность, отношение к религии, обрядовое поведение; ответы респондентов на вопросы о том, насколько близки им носители европейской или восточной культуры.

Прежде, чем представить материалы, свидетельствующие о роли духовной национальной культуры в структуре собственно этнического самосознания, приведем данные о месте проблемы возрождения национальной культуры в ряду проблем первостепенной важности. Как видно из таблицы 1, абсолютное большинство опрашиваемых (от 64% до 89%) считают, что в настоящий момент особое внимание следует обратить на такие жизненно важные вопросы, как рост цен и угроза безработицы.

Подобная реакция на изменение социально-экономического положения как отдельных групп населения, так и целых регионов вполне понятна и закономерна. Обращает на себя внимание другое. Необходимость возрождения народа, его культуры, языка расценивает как проблему первостепеной важности несколько большее число представителей "титульных" национальностей (11% - 22%) по сравнению с русскими соответствующих республик (5% - 7%).

За этими цифрами скрывается целый комплекс явлений, связанных с особенностями этноисторического и этнокультурного развития различных народов в прошлом и настоящем. В частности, определенным своеобразием отличается характер этнических интересов татар, осетин, якутов, тувинцев, с одной стороны, и русских Татарстана, Северной Осетии, Саха (Якутии) и Тувы, с другой. Для "титульных" этносов большее значение имеет собственная духовная культура и язык. Интересы русских чаще концентрируются в иных, "внекультурных" сферах. Например, проблема "обеспечения прав человека, свободы слова, печати" у русских оказалась на втором месте по степени важности после экономических проблем. "Права человека" в данном случае зачастую воспринимаются как средство защиты своих социальных позиций и культурных интересов в республиках.

Полученные данные скорее вызывают вопрос, нежели позволяют дать на него ответ: что стоит за неодинаковым признанием важности развития собственной этнической культуры - взаимопонимание или отчуждение между представителями титульных этносов и живущими рядом с ними русскими?

В чем-то похожие результаты дают распределения ответов на вопрос о том, "Какие условия сейчас более всего необходимы для возрождения Вашего народа?" При этом в отличие от предыдущего вопроса, где выбор позиций был жестко альтернативным, здесь респондент мог одновременно указать несколько вариантов ответов. Из предложенного перечня условий за возрождение и развитие национальной культуры и поддержку языка своей национальности значительно чаще выступают представители титульных этносов. Русские же о развитии культуры и языка упоминают, как правило, реже, чем представители титульных этносов. Тем не менее возрождение национальной культуры входит в число первых трех условий, называемых русскими (кроме Саха (Якутии)), в число которых также входят укрепление дисциплины и развитие рыночной экономики (см. табл. 2).

В то же время в религиозной сфере позиции представителей титульных этносов и русского населения в республиках близки. Однако более существенны различия между регионами. По отношению же к таким проблемам как развитие рыночной экономики и оздоровление природной среды в наибольшей степени различаются не национальности и не регионы, а представители городского и сельского населения: приверженность этим ценностям более выражена у первых.

Можно констатировать, что идеология национального возрождения титульных этносов распространилась среди широких слоев этих народов. Русские, как правило, реже связывают возрождение своего народа с ценностями национальной культуры, тогда как на рыночные ценности титульные народы и русские, как правило, ориентированы примерно в равной степени.

Таким образом этническая дифференциация в восприятии ценности языка, национальной культуры, суверенитета рес-

публик говорит о социально-культурном диссонансе. Вместе с тем едва ли приходится говорить о принципиальном различии ценностных ориентаций. В представлениях лиц титульных национальностей и русских в каждой из республик иерархия ценностей в значительной мере совпадает. И те, и другие выбирают примерно одинаковые позиции, отражающие условия, необходимые для возрождения своего народа. Так если выделить четыре ценности, наиболее часто называемые как горожанами, так и сельскими жителями каждой республики, то окажется, что три из них в большинстве случаев для титульной национальности и русского населения совпадают (см, табл. 2).

Какова в этой ситуации степень вероятности согласия или роста напряженности? Авторы вполне отдают себе отчет в том, что любые однозначные и жесткие прогнозы будут далеки от действительности. Однако есть основания полагать и другое: знания о реальной системе детерминации этнокультурных переменных, представления об их вариативности (изменчивости и стабильности, инерционности и динамичности) помогут оценить возможность влияния этнокультурных процессов на рост или ослабление напряженности.

Важным представляется вопрос о том, насколько обоснованны и вероятны осложнения межнациональных отношений на языковой почве. По этому поводу существуют различные мнения и оценки.

В конце 1980-х - начале 1990-х годов языковая жизнь в республиках России заметно оживилась, стала более сложной и многообразной. Частые выступления представителей национальной интеллигенции в средствах массовой информации о судьбах родного языка, активизация законотворчества по вопросам официального статуса языков, попытки разработать концепции национального образования - все это свидетельствовало о том, что языковая ситуация в республиках вступила в иную стадию и обнаружила новые, ранее не обсуждавшиеся проблемы.

Так, на уровне государственной, в том числе законодательной политики активно дебатировалась (а кое-где и до сих пор дебатируется) проблема государственных языков рес-

публик. Национальная гуманитарная интеллигенция ставила вопросы создания идеологии и конкретных программ возрождения языков. На уровне повседневного общения и восприятия мнения и настроения представителей титульных этносов и русских разделились. У первых появились основания испытывать чувство национальной гордости, часть вторых с пониманием отнеслась к заботе ряда национальностей о сохранении своего языка. У другой части русских, учитывающих опыт большинства бывших союзных республик, возникли опасения по поводу возможной дискриминации по этноязыковому признаку.

Результаты исследования показали, что пока прежняя система детерминации языковых характеристик на массовом уровне осталась достаточно инерционной и не подверглась заметному изменению. В частности, среди более молодого поколения титульных этносов по-прежнему наблюдается большее распространение русского языка, тогда как знание и употребление языков своих национальностей медленно, но неуклонно снижается. Нововведения в сфере языкового законодательства пока не смогли переломить десятилетиями господствовавшие тенденции в языковом поведении. К тому же эти тенденции по-прежнему в немалой степени определяются не императивами национального самосознания, а повседневными практическими потребностями межэтнического общения и включен-ностью в общероссийское информационное поле.

Забота о поддержке языков титульной национальности и усилении их позиций выразилась в том, что в ряде республик, входящих в состав Российской Федерации, были приняты законодательные акты, определявшие статус языков.

В Северной Осетии согласно декларации о государственном суверенитете этой республики с 1990 г. государственными являются осетинский и русский языки. В том же году закон о языках приняла Тува. Тувинский язык был провозглашен государственным, а русский - официальным языком, который действует и функционирует наравне с государственным. В Саха (Якутии) и Татарстане соответствующие законы были приняты в 1992 г. Государственными языками провозглаша-

лись в Якутии - якутский и русский, в Татарстане - татарский и русский.

В некоторых республиках закондательному решению вопроса о статусе языков предшествовали подчас острые дискуссии. Кое-где высказывалось мнение, что в законодательной защите нуждается лишь язык титульной национальности. Какое же мнение по этому поводу преобладает в массовом сознании сейчас, когда решение уже принято и соответствующие акты вступили в силу?

Полученные данные по Татарстану и Северной Осетии свидетельствуют о том, что большинство опрошенных не одобрило бы переход от двух государственных языков к единственному - языку титульной национальности. Больше всего против этого возражали бы русские, что вполне понятно, но и среди осетин и городских татар более половины отрицательно относятся к этой идее (см. табл. 3).

В Туве же вопрос был сформулирован иначе: "Как Вы относитесь к тому, что государственным языком в республике стал тувинский язык?" Отношение тувинцев и русских к этому факту явно поляризовано - подавляющее большинство первых его поддерживают, тогда как около половины русских высказываются против.

Таким образом анализ массового социологического материала свидетельствует, что изменение языковой ситуации - процесс достаточно длительный. Учитывая инерционность массового сознания и поведения важно иметь в виду, что принуждение и форсированное давление способны скорее осложнить межнациональные отношения, нежели существенно изменить направленность языковых процессов.

Нам представляется, что в настоящее время в республиках России, как и во многих странах мира, вопрос о языке, или о языках оказался включенным в круг вопросов, связанных с проблемой модернизации и научно-технического прогресса, с проблемой вызова локальным культурам со стороны технологически более развитых обществ. (В этом отношении и английский язык "бросает вызов" не только России, а пожалуй и значительной части неанглоязычных стран мира.)

Однако в настоящее время заметна и обратная тенденция - противодействие усилению роли доминирующего языка. Языки титульных этносов республик пытаются, разумеется благодаря их носителям, оказывать заметное сопротивление, отстаивая право на развитие, а в некоторых случаях и на существование. В первую очередь тревогу по этому поводу бьет национальная гуманитарная интеллигенция, во-первых, потому что лучше знает положение дел, во-вторых, не без опасения за свои профессиональные интересы. Эта тревога в известной степени может передаться массовому сознанию, но для этого необходимо, чтобы острота данной проблемы не только достигла определенной стадии, но и затронула при этом жизненно важные интересы людей.

Однако возможна и иная ситуация, когда проблема укрепления позиций языка поднимается и решается законодательным путем в регионе, отстающем в экономическом отношении, в условиях, где сохранению языка еще мало что угрожает. В этом случае также могут возникнуть языковые противоречия, но акценты окажутся несколько иные.

Среди четырех республик, ставших объектом исследования, к такому варианту ближе всего ситуация в Туве. В этой республике язык титульной национальности утрачен в наименьшей степени, процесс развития двуязычия проходит более раннюю стадию, а тувинцы в меньшей степени, чем коренные национальности других республик, ориентированы на поддержку своего языка, потому что не опасаются за его судьбу. В то же время наблюдается некоторое недовольство русских усилением влияния тувинского языка.

В то же время в Татарстане, Северной Осетии и Саха (Якутии) проблема утраты заметной частью представителей титульной национальности своего языка выглядела вполне реальной, но придание двум основным языкам одинакового статуса несколько смягчило остроту ситуации. Расчет состоял в том, чтобы приглушить тревогу коренных национальностей за судьбу языка и успокоить русское население, опасавшееся возможной дискриминации по языковому признаку. В какой степени оправдаются подобные расчеты, будет зависеть не столько от содержания самого закона, сколько от

складывающейся практики его применения и системы подзаконных актов.

По каким же позициям и при каких условиях возможны в дальнейшем серьезные противоречия в языковой сфере? По-видимому, языковые проблемы скорее всего могут стать детонатором общественного согласия в том случае, если плохое знание одной частью населения языка другой части станет основанием для отказа при приеме на работу или препятствием для продвижении по службе. Правда, практика последних лет показала, что в республиках и не форсируют введение обязательного знания двух языков даже для профессий, предполагающих двуязычное общение.

Исследование по Проекту охватывало пять народов, которые исторически являются носителями трех мировых религий (христианства, ислама и буддизма), а также других форм религиозных верований. Сочетание столь разнообразных и контрастных этноконфессиональных миров, без сомнения, наложило свой отпечаток на культурный и психологический облик народов. С одной стороны, своеобразие и неповторимость каждого из них обусловлены, в том числе, и религиозными характеристиками. С другой, - в пределах каждого региона у представителей разных этносов и конфессий постепенно вырабатываются сходные формы поведения.

Подобное мнение едва ли требует развернутых доказательств или глубокой эмпирической проверки, так как оно вполне согласуется с уже давно разрабатываемой концепцией историко-этнографических областей, а также находит параллели в недавно сформулированной идее локальных субкультур [4]. В данном случае интерес представляет та конкретная "конфигурация" общего и особенного, которая отражает реальные процессы и их возможный результат.

При этом не следует забывать, что советское общество в значительной мере развивалось как светское, в котором достаточно интенсивно протекали процессы секуляризации. Мы оставляем в стороне полемику относительно того, в какой мере на этот процесс объективно воздействовала модернизация, технологический прогресс, рационализация сознания и другие явления, а в какой оказывалось давление со сторо-

ны государства. В нашу задачу также не входит и оценка современных представлений о роли религии и церкви в обществе.

Отметим лишь следующее. И раньше, в так называемые застойные годы, этноконфессиональная идентификация занимала определенное (а в некоторых социально-профессиональных группах и немаловажное) значение. Присутствовало восприятие религии как части культурного наследия и исторического прошлого народа, как фактора внутриэтнической консолидации и одновременно межэтнической дифференциации.

В последние годы религиозная сфера претерпела заметные изменения. В частности, данные о доле респондентов, называющих себя верующими (таких оказалось от 22% среди горожан - якутов до 86% среди татар - жителей села), могут создать впечатление, что эпоха массового атеизма закончилась и мы живем в стране, готовой стать государством массовой религиозности. Кроме того радикальнее трансформируется характер детерминации религиозности и этноконфессиональной идентичности. Связь уровня образования, социального статуса, возраста и других факторов с религиозностью проявляется иным образом, чем 10 или 20 лет тому назад. Рост уровня религиозности характерен для представителей различных возрастных и образовательных групп и в настоящее время значительно слабее зависит от этих факторов.

Так, уровень образования больше не оказывает определяющего влияния на уровень религиозности, как это было еще совсем недавно. В то же время не подтверждается высказывавшееся в литературе мнение о повсеместном опережающем темпе роста религиозности в среде образованной российской молодежи[5]. На материалах исследования последнее отмечено только среди городской русской молодежи в Северной Осетии (см. табл. 4).

Вместе с тем гипотеза относительно возрастающей роли религии в постсоветском обществе при эмпирической проверке нашла лишь частичное подтверждение. И это не случайно, ибо в условиях России социальные, экономические,

этнокультурные и иные различия между регионами могут быть настолько велики, что почти любая тенденция сосуществует в той или иной мере со своей противоположностью.

В этом отношении интересно сопоставление уровня религиозности населения (имеется в виду процент респондентов, причисляющих себя к верующим) и места, занимаемого религией в структуре этнического самосознания. (Данные изображены графически на рисунке 1. По вертикальной оси отложена доля лиц, назвавших себя верующими, по горизонтальной - доля респондентов, назвавших религию при ответе на вопрос анкеты "Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?" При ответе на последний вопрос была возможность выбрать более одного ответа.)

Татары, как и осетины, характеризуются высоким уровнем религиозности (приблизительно по 67% среди городского населения называют себя верующими), но у первых она занимает кроме того значительное место и в структуре этнического самосознания, чего нельзя сказать о вторых. Уровень религизности тувинцев средний (55% верующих горожан), но в их этническом самосознании религия занимает существенное место. Последнее сближает их с татарами по значимости роли религии как национального символа. В свою очередь Саха (Якутию) допустимо отнести к дальней периферии процесса религиозного подъема. Скорее всего в ближайшее время религиозный фактор едва ли будет играть в этой республике сколько-нибудь заметную роль в общественной и политической жизни. В то же время в Северной Осетии и особенно в Татарстане и на институциональном, и на индивидуальном уровнях религия будет оказывать ощутимое влияние на взаимоотношения этнотерриториальных и этноконфессиональных групп.

Уровень религиозности среди русских коррелирует с тем же самым показателем среди представителей титульных народов в соответствующих республиках. Но это сходство само по себе не позволяет нам прогнозировать, будет ли этническая напряженность уменьшаться или возрастать. В одном случае - в Саха (Якутии) низкий уровень религиозности как среди якутов, так и среди русских делает маловероятным

этнический конфликт на этой почве. Наоборот, значительная включенность в религию татар и русских может стать причиной этнической напряженности. Сложность этноконфессиональной ситуации в Татарстане - факт, уже обсуждавшийся как на страницах прессы, так и в научной литературе [6]. Вместе с тем руководство республики стремится предотвращать и сглаживать противоречия, возникающие между религиозными общинами.

Материалы показывают, что усиление этноконфессионального сознания и активизация религиозного поведения в среде титульных этносов в немалой степени связаны с общими процессами этнокультурного ренессанса. Для русских же по-прежнему остается значимой социальная регуляция религиозной сферы. Причем наряду с традиционными факторами, такими как возраст и образование, появился признак "уровень дохода". Так, например, среди русских горожан в Татарстане, имевших среднемесячный доход на одного человека в семье до 60 тыс руб., назвали себя верующими 70%, тогда как среди имевших доход от 150 тыс. руб. и выше эта доля составила немногим более 30%.

Есть основания полагать, что в современных условиях религиозность представителей титульных этносов более тесно связана с феноменом национального возрождения. Русское же население в национальных республиках подъемом религиозности в большей степени отвечает на социально-экономические трудности и материальные проблемы.

Таким образом складываются две различные модели дальнейшего развития религиозной компоненты. Одна из них - этнокультурная, где религия (главным образом у титульных этносов) не только является фактом повседневной жизни, но и декларируется как часть национальной культуры. И в этом качестве способствует внутриэтническому сплочению и солидарности. Другая модель - социальная (русская), отражающая углубляющуюся социальную и материальную стратификацию общества.

За последнее время в известной степени "вошло в моду" обсуждение проблемы места народов России в мировой цивилизации, соотношения их культур с культурами Запада и

Востока[7]. Приблизиться к пониманию некоторых аспектов данной проблемы можно посредством не только философско-теоретических, но и эмпирических исследований. В частности, одна из таких попыток была проделана в настоящем исследовании. Для оценки того, насколько близко с людьми европейской или же восточной культуры чувствуют себя опрашиваемые (вопрос задавался горожанам), им предлагалось выбрать один из четырех возможных ответов (не чувствую связи; ощущаю слабую связь; ощущаю умеренную связь; ощущаю сильную связь).

Материалы исследования показали, что в отношении европейской культуры позиции титульных национальностей и русского населения в каждой республике не слишком далеки друг от друга (см. табл. 5). Наибольшую близость к европейской культуре декларируют жители Северной Осетии (как осетины, так и русские), наименьшую - жители Татарстана обеих национальностей. Связь же с восточной культурой во всех республиках представители титульных национальностей выражают значительно чаще, чем русские (см. табл. 6). Однако в отношении как европейской, так и восточной культуры лишь весьма небольшая часть опрошенных во всех без исключения массивах (от 1% до 14%) заявила о чувстве сильной связи. В основном респонденты отмечали слабую или умеренную близость с теми, кто принадлежит этим культурам, или заявляли о том, что не чувствуют никакой связи.

В целом татары и тувинцы декларировали ориентацию на восточную культуру несколько чаще, чем на европейскую. В то же время среди осетин и якутов оказалось больше отметивших близость к людям европейской культуры по сравнению с теми, кто проявил "восточную ориентацию". Что же касается русского населения четырех республик, то здесь "европейская ориентация" существенно преобладала над "восточной".

Идеи о равноудаленности культур народов России от Запада и Востока, по-видимому, способны скорее найти почву в среде титульных народов некоторых республик России. Находящиеся же в окружении этих этносов русские больше склонны воспринимать себя европейцами. Последнее отчас-

ти относится и к осетинам, сопоставляющим себя с горско-мусульманскими соседями.

Анализ показал, что преимущественная ориентация на тот или иной тип культуры может сказываться и на восприятии некоторых аспектов действительности, и, в частности, тех, которые лежат в сфере межэтнических отношений или непосредственно с ней связаны. Так, в Саха (Якутии) русские, в большей степени чувствующие себя "европейцами", по сравнению с остальной частью русского населения чаще отрицательно оценивают перемены, которые произошли в республике после провозглашения суверенитета (28% против 13%), а также изменения в в межнациональных отношениях в быту (44% по сравнению с 27%). В Туве для русских с преимущественно европейской культурной ориентацией в большей степени характерны заявления о том, что они сами или их родственники испытывали трудности в общении с людьми других национальностей (соответственно 52% против 29% и 47% против 24%). В Северной Осетии представители аналогичной группы значительно чаще отмечают ущемление прав из-за своей национальности и желание уехать из республики.

В то же время среди титульных этносов более негативное восприятие межэтнической ситуации в некоторых случаях демонстрируют те, кто в большей степени ориентируются на восточную культуру. Так, например, среди тех тувинцев, у которых преобладает восточная ориентация, оценивают межнациональные отношения в республике как напряженные или даже критические 24% респондентов, тогда как у представителей того же народа с другими культурными ориентациями такие оценки составляют только 10%.

Таким образом, можно полагать, что чем больше группа отождествляет себя с культурой, которая значительно отличается от культуры соседнего этноса, тем в меньшей степени эта группа адаптирована к реалиям той или иной республики. Иными словами, чем в большей степени русские, живущие в Саха (Якутии), Туве, Северной Осетии считают себя представителями европейской культуры, тем труднее им понять мотивы поведения, реакции и устремления другой стороны. Равно как и тем тувинцам, татарам, осетинам, которые явно

идентифицируют себя с восточной культурой, могут показаться необоснованными требования или обиды русского населения.

В целом становится понятно, что каждый из элементов бинарной оппозиции "сходство - различие" может стать одним из условий и согласия, и напряженности.

* * *

Таким образом, внутри каждой из рассмотреных сфер присутствуют моменты, с одной стороны, стабилизирующие межэтнические отношения, с другой - усиливающие напряженность. Так, тенденции реального языкового поведения в настоящее время скорее действуют в направлении смягчения межэтнических противоречий. В то же время в языковой сфере потенциально существует источник возможных трений, который зависит не столько от содержания самих законов, сколько от складывающейся практики их применения и системы подзаконных актов. Язык в роли этнического символа может использоваться и той, и другой общиной в политических (и, как следствие, в экономических) целях.

Непросто оценить тенденции и в религиозной сфере. Не вызывает сомнений миротворческое начало, присутствующее в большинстве религиозных учений. Но в истории известны и такие факты, когда в поликонфессиональной среде возникало отчуждение и недоверие между людьми, исповедующими разные религии. Яркие тому примеры Ольстер или Босния и Герцеговина, где сложный комплекс разнообразных социальных и политических проблем включает в себя и межконфессиональный конфликт. Тем более сложно проявлять толерантность в условиях быстрой и масштабной трансформации религиозно-конфессионального фактора.

Из обследованных республик наиболее заметна такая трансформация в Татарстане, где в последние годы несколько осложнились отношения между православной и мусульманской общинами. Возможно это стало одним из факторов, усиливающих ориентацию на эндогамию. Во всяком случае в

республике возросла доля тех, кто высказывается против межнациональных браков. В 1989 г. таких было среди городских татар 13% [8], а в 1994 г.- 31%. При этом среди верующих эта доля составляет 38%, а среди неверующих 11%.

На согласие ориентирует и относительная периферийность сферы культуры по сравнению с общими для всего народа действительно злободневными социально-экономическими вопросами сегодняшней жизни России. Однако и здесь есть различия. Значительные материальные и физические усилия, которые в условиях экономического кризиса затрачиваются на создание институтов культуры титульных этносов не всегда находят понимание у русских и могут даже встретить недовольство представителей нетитульных национальностей, считающих, что эти усилия можно было бы направить на решение других, в их представлении, более важных проблем. В частности, одному из авторов подобное мнение не раз доводилось слышать во время опроса в Саха (Якутии). В каждой из этих позиций есть своя доля заслуживающих внимание аргументов. Однако к межэтническому согласию ведет не бескомпромиссное отстаивание каждой из сторон своей точки зрения, а терпеливый поиск путей к достижению баланса этнокультурных претензий, интересов и запросов.

Без сомнения, русские в республиках должны адаптироваться к усиливающейся конкуренции двух культур, а иногда и к декларируемому приоритету культуры титульного этноса, в среде которого все большее распространение находит мысль о том, что для полномасштабного развития собственной культуры нет другого места кроме своего национального государства.

В целом, изменяющаяся этнокультурная ситуация несет в себе разнонаправленные тенденции. При этом возможность использования культуры и языка не только в качестве средства духовной самореализации и коммуникации, но и как инструмента этнополитического соперничества и доминирования существенно различается в зависимости от региона, национальности и конкретного аспекта культуры.

Таблица 1

Проблема, требующая, по мнению респондентов, наибольшего внимания (%)

Татарстан	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, безработица	76.5	64.2	80.2	89.2
Обеспечение прав человека, свобода слова, печати	8.0	10.7	13.2	1.6
Национальное возрождение народа, его культуры, языка	12.3	11.2	3.3	4.6
Затрудняются ответить	3.2	13.9	3.3	4.6
Северная Осетия	Осетины		Русские	
	город	село	город	село
Рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, безработица	67.7	74.2	81.4	86.4
Обеспечение прав человека, свобода слова, печати	11.5	4.2	9.2	5.7
Национальное возрождение народа, его культуры, языка	18.4	19.5	4.6	6.8
Затрудняются ответить	2.4	2.1	4.8	1.1
Саха (Якутия)	Якуты		Русские	
	город	село	город	село
Рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, безработица	67.0	71.1	76.3	88.9
Обеспечение прав человека, свобода слова, печати	10.0	4.1	10.4	0.0
Национальное возрождение народа, его культуры, языка	18.9	21.5	6.1	7.4
Затрудняются ответить	4.1	3.3	7.2	3.7
Тува	Тувинцы		Русские	
	город	село	город	село
Рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, безработица	69.9	71.6	78.6	81.7
Обеспечение прав человека, свобода слова, печати	9.3	4.2	10.4	5.0
Национальное возрождение народа, его культуры, языка	17.2	16.8	6.5	6.7
Затрудняются ответить	3.6	7.4	4.5	6.7

Таблица 2

Необходимые условия для возрождения народа (%)
(вопрос "Постарайтесь оценить в целом, какие условия сейчас более всего
необходимы для возрождения Вашего народа?")
(Возможны несколько ответов; сумма не равна 100%)

Татарстан	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Возрождение и развитие национальной культуры	53.2	44.2	39.9	43.1
Поддержка религии Вашего народа	30.7	48.8	20.1	32.3
Поддержка языка	43.3	40.5	18.2	40.0
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	41.4	28.8	38.8	18.5
Оздоровление природной среды	27.0	16.3	30.6	16.9
Возвращение к прежним порядкам	8.3	4.7	13.5	1.5
Укрепление дисциплины	42.8	50.2	43.5	67.7
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	42.8	34.4	19.3	12.3
Северная Осетия	Осетины		Русские	
	город	село	город	село
Возрождение и развитие национальной культуры	68.5	68.9	45.8	32.2
Поддержка религии Вашего народа	11.5	18.4	14.7	12.2
Поддержка языка	44.5	42.6	14.2	5.6
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	40.8	26.8	39.4	22.2
Оздоровление природной среды	34.1	18.4	31.9	16.7
Возвращение к прежним порядкам	12.8	40.5	18.2	21.1
Укрепление дисциплины	52.8	65.8	59.8	65.6
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией при-	32.3	24.7	14.7	5.6

родных ресурсов				

Таблица 2 (продолжение)

Саха (Якутия)	Якуты		Русские	
	город	село	город	село
Возрождение и развитие национальной культуры	60.2	60.0	32.7	31.5
Поддержка религии Вашего народа	8.6	12.6	7.8	3.7
Поддержка языка	37.2	38.7	10.4	11.1
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	60.8	44.6	46.2	33.3
Оздоровление природной среды	50.4	47.7	38.2	37.0
Возвращение к прежним порядкам	6.5	9.8	11.0	14.8
Укрепление дисциплины	34.2	46.9	41.9	46.3
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	56.9	56.1	29.5	29.6
Тува	Тувинцы		Русские	
	город	село	город	село
Возрождение и развитие национальной культуры	55.9	54.0	32.0	20.0
Поддержка религии Вашего народа	35.6	26.5	11.5	13.3
Поддержка языка	26.0	24.2	9.0	11.7
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	47.7	32.6	41.6	38.3
Оздоровление природной среды	18.4	13.0	25.0	8.3
Возвращение к прежним порядкам	14.2	22.8	19.4	11.7
Укрепление дисциплины	33.7	30.7	51.4	45.0
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	29.6	38.1	13.5	10.0

Таблица 3

Отношение к вопросу о государственных языках (%)

Татарстан	Татары		Русские	
Как Вы относитесь к требованию некоторых национальных лидеров придать статус государственного языка только татарскому языку?	город	село	город	село
Одобряю	18.2	53.4	1.4	1.7
Безразлично	8.3	7.4	3.0	3.3
Не одобряю	57.2	19.1	90.6	71.7
Затрудняюсь ответить	16.3	20.1	5.0	23.3
Северная Осетия	Осетины		Русские	
Как Вы относитесь к требованию отдельных общественных движений придать статус государственного языка только осетинскому языку?	город	село	город	село
Одобряю	20.1	22.1	0.8	---
Безразлично	7.5	6.9	3.8	1.1
Не одобряю	60.9	56.3	89.8	92.1
Затрудняюсь ответить	11.5	14.7	5.6	6.8
Тува	Тувинцы		Русские	
Как Вы относитесь к тому, что государственным языком в республике стал тувинский язык?	город	село	город	село
Одобряю	84.3	89.8	14.6	11.7
Безразлично	10.2	8.4	25.6	25.0
Не одобряю	1.9	0.4	45.5	55.0
Затрудняюсь ответить	3.6	1.4	14.3	8.3

Таблица 4

Доля верующих среди горожан в зависимости от возраста (%)

Возрастные группы	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы	Русские			
					Татарстан	Сев. Осетия	Саха (Якутия)	Тува
18-24 года	53	58	18	45	54	86	32	31
25-29 лет	61	69	25	55	50	73	35	50
30-39 лет	65	64	16	56	49	61	35	49
40-49 лет	71	75	25	70	58	66	35	38
50-59 лет	69	65	15	63	54	66	61	47
60 лет и	84	73	42	44	71	63	52	55

старше								

Таблица 5

Чувство близости с людьми европейской культуры (%)

Титульные национальности	Город			
	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы
Не чувствуют связи	55.4	16.2	31.5	38.7
Ощущают слабую связь	18.9	28.1	27.4	32.3
Ощущают умеренную связь	20.1	42.4	35.2	24.8
Ощущают сильную связь	5.6	13.3	5.9	4.2
Русские	Город			
	Татарстан	Сев.Осетия	Саха (Якутия)	Якутия
Не чувствуют связи	47.6	27.6	44.6	33.8
Ощущают слабую связь	21.1	21.2	25.6	22.2
Ощущают умеренную связь	25.6	41.3	24.3	33.5
Ощущают сильную связь	5.7	9.9	5.4	10.5

Таблица 6

Чувство близости с людьми восточной культуры (%)

Титульные национальности	Город			
	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы
Не чувствуют связи	35.8	27.7	35.5	19.9
Ощущают слабую связь	30.4	38.9	30.3	27.9
Ощущают умеренную связь	29.2	27.1	31.2	38.6
Ощущают сильную связь	4.6	6.3	3.0	13.6
Русские	Город			
	Татарстан	Сев.Осетия	Саха (Якутия)	Саха (Якутия)
Не чувствуют связи	63.7	65.0	65.3	44.4
Ощущают слабую связь	18.6	22.6	21.2	30.4
Ощущают умеренную связь	15.3	9.1	12.3	22.2
Ощущают сильную связь	2.4	3.3	1.2	3.0

Рисунок 1
Соотношение уровня религиозности и места, занимаемого религией,
в структуре этнического самосознания

[1] Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (Cal.), 1986.

[2] Enloe C. Religion and Ethnicity // Ethnic Diversity and Conflict in Eastern Europe. Santa Barbara (Cal.), 1980. P. 361-366.

[3] Anderson B., Silver B. Equality, Efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934-1980 // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. N 4.

[4] Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: (К постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. N4; Сусоколов А.А. Концепции роста этничности в современном мире.// Расы и народы. М., 1990. Вып. 20.

[5] Борзенко В.И. Религия в посткоммунистической России: новая евангелизация 1000 лет спустя // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17-19 декабря 1993 г. М., 1994. С. 230-235.

[6] Мусина Р.Н. К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1992; Терентьева И. Культура и религия в этнополитической ситуации Татарстана // Язык и национализм в постсоветских республиках. По материалам международного симпозиума. 5-6 марта 1994 г. Чикаго. М., 1994.

[7] См., напр.: Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: Цивилизационные отношения. М., 1994.

[8] Массовое этносоциологическое исследование 1989 г. в Татарстане по теме "Современные межнациональные процессы в ТССР". Опрошено около 4 тыс. чел. Научные руководители - Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева, Д.М.Исхаков. Программу исследования и принципы выборки см.: Современные межнациональные процессы в ТССР (Программа исследования и инструментарий). Казань, 1989.